

**П.С. Лемещенко. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА:
ИСТОКИ, ПРЕДМЕТ, МЕТОДОЛОГИЯ // Теоретическая
экономика, 2011, № 1. – С. 17-35. (www.theoreticaleconomy.info).**

Резюме

В статье раскрывается эволюция институциональных основ парадигм экономической науки и методологические закономерности формирования теоретической экономики как научной дисциплины. Институциональная ценность – центральная материя предмета данной дисциплины.

P.S. Lemeschenko. « »

Resume

In the article is opening an evolution of institutional foundation of paradigm of economic science and methodological conformity to objective laws of theoretical economics forming as a branch of science. An institutional value is a central material of the present discipline

*Человек не может быть счастлив наукой, но
теперь он еще менее может быть счастлив без нее...
Наилучшее выражение гармонии мира – это закон
А. Пуанкаре*

*Наука представляет собой внутреннее единое целое.
Ее разделение на отдельные области обусловлено не
только природой вещей, сколько ограниченностью
способностей человеческого познания. В действительности
существует непрерывная цепь, ...которая ни в одном месте
не может быть разорвана, разве лишь по произволу
М. Планк*

Вместо введения

Без преувеличения можно сказать, что, как и в другие трудные времена в прошлом, современный статус государств, всего мира определяется уровнем освоения всего когнитивного арсенала средств экономической науки, грамотным и умелым использованием ее достоверных выводов в хозяйственной практике. В эволюции социально-экономической системы, если исключить сциентистскую самоуверенность человека, можно выделить три компонента: а) стихийную силу развития¹, включающую, в том числе осознание, но в то же время и ограниченное влияние на изменение проявляющихся тенденций; б) осознанную проводимую экономическую политику со всем своим сложным и противоречивым механизмом реализации; в) индивидуальную способность людей адаптироваться в своей

¹ Этот момент можно проиллюстрировать выводом В. Парето о равной доле населения, аккумулирующей равную долю богатства. Независимо от социально-экономической системы. Пункт в) свидетельствует в свою очередь изменение состава людей в этой группе

деятельности к изменению природной и институциональной среды, достигая своих целей.

Иначе говоря, современная мир-экономика² с ее количественными и качественными проявлениями есть следствие научно-освоенной и интуитивно стихийной деятельности людей, которые не только в достижении своих целей изменяли обстоятельства, но и приспособлялись к ним, допуская погрешности в знании и просчеты в действии. Однако, если принять во внимание крайне противоречивые оценки достигнутых результатов политико-хозяйственной деятельности человека³, то необходимость переосмысления достижений экономической науки, особенно ее наиболее влиятельных и распространенных течений, становится не только очевидной, но и крайне актуальной проблемой. Причем, рефлексии теория должна быть подвержена как в случае признания ее активного начала во всех направлениях хозяйственной деятельности, так и в случае отрицания ее использования в обширной практике. Так называемые системные реформы, которые охватили почти все социалистические страны и которые безуспешно растянулись на неопределенно длительный период, еще больше требуют переосмысления существующих исследовательских традиций экономической науки. Экономисты этих стран, воспитанные в традициях марксизма⁴, в одночасье освободили себя, по крайней мере формально, от обязанностей перед данной теорией⁵. Это еще вовсе не означает, что «наши» как, впрочем, и другие, в подобного рода ситуациях перехода на новую теорию мышления, экономисты сразу в полном объеме освоили, включая философский контекст, альтернативные направления науки. Об этом свидетельствует даже беглый анализ материалов, публикуемых в немногочисленных изданиях

² Понятие «мир-экономика» отражает целостное состояние мирохозяйственной системы, многие структурные элементы которой органически взаимосвязаны между собой (Ф. Бродель, И. Валлерстайн).

³ Как известно, первые негативные оценки способа мышления и существующих форм хозяйствования прозвучали на заседании Римского клуба в 1968 г. Более поздние работы Дж. Белла, Дж. Гэлбрэйта, П. Дракера, Л. Туроу, И. Ставинского, Н. Моисеенко, Ю. Осипова, Д. Нэсбита, Е. Массуда, О. Тоффлера, В. Иноземцева, Д. Медоуза, Дж. Сороса и др. авторов зафиксировали всеобщий кризис индустриальной, или, иначе говоря, европейской цивилизации.

⁴ Надо отличать марксизм по своему источнику и развитию от вульгарного, интерпретируемого марксизма, получившего своеобразную и научную, и практическую окраску в социалистических странах.

⁵ К проблемам, существующим в экономической науке в целом, в Беларуси в частности автор в той или иной мере обращал внимание и ранее: П.С. Лемешенко. Теоретическая экономика: структура, классические традиции, новые тенденции. Мн.: БГУ, 2001; К вопросу о новой парадигме политической экономии. Мн.: БГЭУ, 1991, (сборник тезисов); Национальная экономическая наука: от кризиса к рациональным практическим решениям // Управление капиталом. 1997. № 4; Белорусская экономическая наука в лабиринтах поиска // Гуманитарно-экономический вестник. 1997. № 2; Новая экономика и теория: закономерности эволюции. – Сб-к: «Беларусь и Россия: императивы общественного развития». Мн.: ИСПИ. 2002; и др.

постсоциалистических государств.⁶ Предметная и методологическая неопределенность, императивно-нормативная направленность, описательность, политическая эмоциональность и непроверяемость на истину характеризуют большинство статей по современной действительности. В свою очередь учебные планы и программы по экономике механически скопированы, иногда в упрощенных вариантах, с вводных курсов провинциальных американских колледжей⁷.

Примечательно то, что образовавшийся еще в советское время разрыв между теорией и практикой⁸, углубился еще больше, поскольку аналитический аппарат неоклассики, преподаваемый в вузах, можно сказать, никак не используется ни выпускниками, ни самими преподавателями. Особенно эта участь постигла раздел микроэкономики.

Полный крах и несостоятельность обнаружили советы и программы, разрабатываемые западными экономистами неоклассического толка для государств, избравших путь политических и экономических преобразований. Основная мысль пост-Вашингтонского консенсуса, который при выяснении причин данного обстоятельства заключил об упрощенном, конъюнктурном и стандартном подходе к обоснованию реформ в социалистических государствах. Как оказалось, не учли самого главного – тех неформальных системообразующих институтов, которые нельзя изменить в одночасье, но трансформация которых имеет свои закономерности и траекторию эволюции [1, 2, 3]. Однако это, как и многое другое, что было бы крайне важным для объяснения старых и новых проблем современной экономики, ее прогнозирования и управления, мягко говоря, «выносилось за скобки» господствующей теорией мейнстрима. «Если судить о современной экономической теории по ее философскому и историческому содержанию, – пишет Р.Л. Хайлбронер – мы будем вынуждены определить ей место в надире, а не в зените ее истории» [4, с. 53]. В результате образовался «дефект знания», который, подобно дефекту массы в физике, не дает нам целостного политико-экономического и культуролого-экологического образа взаимоотношений человека, общества, природы.

⁶ Прежде всего, обращает на себя внимание крайне малое количество научных изданий по теоретическому срезу экономических исследований. К тому же «утрачены» свойства, признаки, которые отличают фундаментально научное от знания, воспринимаемого на уровне здравого смысла. Метод «здравого смысла», отражая «нездоровость» переходной эпохи, воспроизводит усиление неопределенности и ведет к ошибкам, что с очевидностью подтверждается практикой.

⁷ Учебные пособия по экономике, используемые в европейских вузах, как правило, отличаются своей структурой. См., например, Schotter A. Microeconomics. A Modern Approach. London: Harper Collins, 1994. Свою «нишу» занимает «теория хозяйства» Ю.М. Осипова: В 3-х т. МГУ, 1998.

⁸ Итогам оценки такого разрыва стал известный тезис из андроповской речи в 1983 г. о том, что мы не знаем то общество, в котором живем. См.: Вопросы экономики. 1983. № 7. С.12; Шерпер Ф., Росс Д. Структура отраслевых рынков. М., 1997. С. 656-660.

Наука экономика в парадигмальной ретроспективе

Обращение к парадигме отражает более зрелый этап развития науки, поскольку исследователями ставится задача установить определенные каноны мышления, придающие научным результатам более строгий, достоверный и верифицируемый вид. По Куну парадигма выполняет роль дисциплинарной матрицы, признаки которой позволяют каждому вступающему в определенное сообщество выполнять аналитическую деятельность по выработанным и признаваемым нормам, правилам, алгоритму. Содержательным ядром парадигмы служит общая картина, представление, образ или модель исследуемой реальности.⁹ Эта онтологическая составляющая обеспечивает связь предмета науки с объектом, поскольку в этой картине или универсалистской схеме интегрируются и систематизируются разнородные свойства явления на определенном этапе развития. Эта часть парадигмы отражает сложившееся в каком-то научном сообществе представление об объекте познания.

Формирование идеалов и норм научного исследования находится под влиянием специфических условий и факторов развития данной дисциплины, а также общенаучных и междисциплинарных свойств. К сожалению, последовательное использование широкого спектра исследовательского потенциала с п е ц и а л и с т а м и осуществляется лишь в крайних случаях гносеологического и практического тупика. Но важно подчеркнуть то, что осознание самой проблемы в освоении всех структурных элементов парадигмы, с чего и начинается любая теория, оказывает решающее воздействие на степень полноты и адекватности восприятия окружающей эмпирии мира.

Логика развития экономической науки определяется взаимодействиями внутри системы знания – между собственно теорией эмпирией и общей картиной исследуемой реальности. Смена парадигмы характеризуется ситуацией, когда новые явления выходят за привычные рамки системы знания и вступают в противоречие с идеалами, нормами, критериями научной деятельности. Жизнь показывает, что такое противоречие было в экономике советского типа, практика которой не вписывалась в общий контекст политэкономии социализма. Такое противоречие есть и сегодня, поскольку изучаемые и пропагандируемые курсы Экономикс, выполненное в стандартных неоклассических традициях, по сути, никак не отражает современную ситуацию.

Конфликт в том, что новые идеи должны оцениваться либо по старым критериям политэкономии социализма, либо по новым, но

⁹ Применение выводов И. Лакатоша к экономической науке обнаружило параллельное существование в рамках одной парадигмы нескольких течений. В силу этого и других обстоятельств понятие «парадигмы» стало заменяться «исследовательской программой».

абстрактным, не отражающим общее основание иной формирующейся системы. Быстрая и решительная отмена прежней теории без априори выдвинутой новой приводит к теоретическому вакууму, в котором начинают господствовать астрологические прогнозы и спекулятивные идеи. Иначе эту ситуацию можно назвать *антинаукой*. Действующей в определенное время парадигме присущ некоторый консерватизм, хотя накопившиеся изменения в теоретическом знании требуют, соответственно, изменений и в аксиоматическом наборе, отвечающему общей научной конструкции, а, следовательно, и самой реальности.

Аксиоматика теории гуманитарной сферы отличается, прежде всего, наличием в ней нравственно-этического начала общества, в котором хозяйственная деятельность занимает доминирующее место. Это, во-первых. И в классической политэкономии это начало присутствовало имплицитно. Во-вторых, экономическое движение постоянно и экспериментально не воспроизводимо. В-третьих, человек, выражая свое отношение (активно или пассивно) к теории и ее идеологии, меняет сам объект исследования, что требует учета данного обстоятельства аналитиком, но на что вплоть до настоящего времени не обращается внимания экономистами¹⁰. В. Гейзенберг когда-то заметил, что тонкая материя, попадая в исследовательское поле, меняет свои свойства, чем нарушает «чистоту» эксперимента. Этим хотелось бы подчеркнуть, что теория об экономике на новом витке развития этот факт должна закладывать в свою парадигмальную основу. Современное «сетевое информационное общество» кратно усиливает эффект влияния на поведение индивидов в обществе и в выборе своих приоритетов.

Какие же парадигмы можно выделить с позиций сегодняшнего дня в экономической науке [5]? Первая целостная политико-экономическая картина представлена классической школой. Используя традиции естественных наук и особенно ньютоновской физики, классики предложили воспринимать как мир богатства. В достижении и превращении форм богатства его распределение они искали универсальные объективные законы и закономерности, на основе которых стремились объяснить и предвидеть основные тенденции экономического развития. Объяснение источника богатства с точки зрения труда заложило новую норму поведения – стоимость, которая провела грань между экономической эффективностью и справедливостью. В стоимости, кроме всего прочего, фиксировалась социальная, экономическая, правовая и нравственная основа взаимодействия членов общества, значимость которых определялась трудовым участием, а не сложившейся кастово-сословной дифференциацией.

¹⁰ Под влиянием философии позитивизма стремление к научной истине утратило свое первостепенное значение. Особенно это касается политической сферы и финансового сектора.

Можно заметить, что в интерпретации классической политэкономии нашла свое отражение теоретическая экономика. Она не только на абстрактно-понятийном уровне целостно зафиксировала в том числе через обобщение достижений других наук политико-экономическую систему, но и определила историческую тенденцию ее эволюции.¹¹

Свое развитие классическая школа получила в марксизме. Здесь не только сохраняется, но под влиянием гегельянства усиливается установка на сущность, закон, закономерности смену стоимостных форм богатства и отношений, в конце концов, на теорию, в которой задача дополняется поиском внутренних причин саморазвития капитала (см. схему 1). Новизна подхода состоит в объединении исторического и логического, в чем проявился ответ марксизма на вызов исторической школы. Введенный марксизмом принцип историзма позволяет общий, универсальный характер законов модифицировать в законы специфические, определив тем самым границы действия этих общих законов и своеобразие их проявления.

¹¹ Обобщение и интеграция выводов частных наук А. Смитом достигалось через неформальные отношения его с экономистом Дж. Стюартом, философом Д. Юмом, медиком У. Хантером, изобретателем Дж. Уаттом, химиком Дж. Блеком, социологом Ад. Фергюсоном, архитектором Р. Адамом. Интерес представляет также «за» профессиональной деятельностью других известных экономистов.

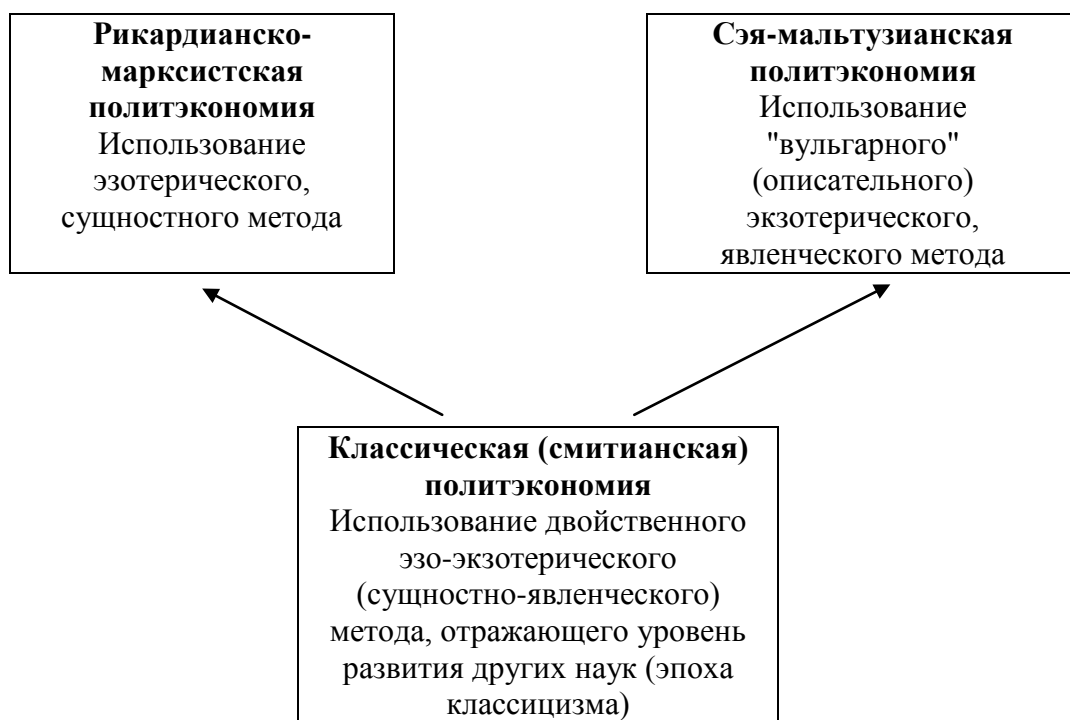

Схема 1

Эволюция типов методологии теоретической экономики

На наш взгляд, если использовать идею И. Лакатоша о делении парадигмы на «жесткое» ядро и «защитную» оболочку [6, с. 26], то изменения философско-методологического основания марксизма произошли как в первом, так и во втором блоках. В остальном марксизм придерживался классической традиции. Речь идет, прежде всего, о границах эффективности отношений прав собственности, об издержках обмена и конкуренции рыночного хозяйства, о противоречиях между трудом и капиталом.

Серьезным испытанием для классической политэкономии явилась критика ее со стороны исторической школы. Представители этого направления стали родоначальниками антисциентистской традиции в экономике, ориентирующую исследователя прежде всего на богатую фактами гуманитарную основу экономического знания. Для них экономика – это, прежде всего, мир хозяйства, опосредованный историко-культурными ценностями. «Самое формирование исторической школы в противовес классической, – пишет Н.Д. Кондратьев, – было фактом огромного значения для развития методологии социальной экономики. Это формирование ... потребовало, по существу, в истории социальной экономики впервые отчетливого и критического осознания самой проблемы метода экономического исследования» [7, с. 271].

Знаменитый «спор о методе» особенно остро проявившийся в полемике между Г. Шмоллером и К. Менгером [8, с. 33; 9, с. 315] не привел к утверждению нового методологического канона, однако дал импульс к расчленению единой науки об экономике на две части: первую, утверждающую в познании абстрактные дедуктивные начала («рикардианский порок»), и вторую, отстаивающую целостность, специфичность и многообразие хозяйственных культур («шмоллеровский порок»).

Новый парадигмальный сдвиг связан с возникновением маржинализма. Мир хозяйствующего субъекта, который сам активно вовлечен в экономическую деятельность, был положен в основу познания происходящих процессов.¹² Поиск объективных, сущностных, причинно-следственных связей был заменен поиском функциональных связей на уровне явлений, которые выступают результатом деятельности хозяйствующих субъектов. Общая картина социально-экономического мира неоклассиками была редуцирована до уровня среднестатистического экономического агента, имеющего определенный набор предпочтений и корыстные мотивы максимизации полезности в поведении. После выхода в свет работы А. Маршалла [10] учебная дисциплина «политэкономия» заменяется «экономикой» с ее позитивистской философией и аналитическим технико-функциональным аппаратом. Это понятие стало символом названия и новой науки. Отныне стали апеллировать не столько к экономической науке, сколько к науке как процессу в освоении познанием экономического поля. Последняя у неоклассиков складывается из отдельных «коротких цепочек»¹³ частных отдельных теорий, охватывающих короткие промежутки времени, на что ориентировала философия позитивизма.

Примечательно то, что, определяя экономическую теорию «ящиком инструментов» [11], неоклассики способ выбора инструментов вообще не относят к компетенции науки, а в большей степени ориентируют на Здравый Смысл исследователя. К этому надо еще добавить, что целостное теоретическое (политико-экономическое) знание в начале 20 в. начало трансформироваться в ряд таких самостоятельных специальных наук, как политология, менеджмент, социология, экономическая история, история экономических учений. Таким образом, под влиянием научных специализаций и использования в производстве экономического знания частных методов экзотерической направленности это знание приобретает черты

¹² В этом можно заметить второй уровень рациональности (классическая политэкономия – первый), к которой обращаются экономисты.

¹³ Так выражает свою исследовательскую стратегию А. Маршалл: «... Функция анализа и дедукции в экономической науке состоит не в создании нескольких длинных цепей логических рассуждений, а в правильном создании многих коротких цепочек и отдельных соединительных звеньев [10, т.3, с.212].»

калейдоскопичности, фрагментарности и статичности. Из этих фрагментарных «лоскутков» невозможно воспроизвести целостный образ, целостную политико-экономическую и социальную картину.

Теория Дж. Кейнса¹⁴ под влиянием противоречий, существующих в реальности и в знании, расширила горизонты анализа, но уже за счет изменения в «защитной» оболочке [12, с. 161]. Мир деятельного субъекта – так можно охарактеризовать теоретический подход Кейнса и его последователей. Включение в исследовательское поле макроэкономических проблем наметило сближение неклассической и марксистской теорий [13, с. 270-271].

Разного рода остроты и глубины проблемы реальности, логические парадоксы активизировали во второй половине прошлого века деятельность как традиционных, так и новых научных школ и направлений: нео- и посткейнсианства, институционализма и нового институционализма, неошумпетерианства и радикальной политэкономии, международной политэкономии и футурологии. Однако эта пестрота мнений снова потребовала обращения к философско-методологическому основанию экономической науки [14, с. 117]. В 80-е годы философско-методологические дискуссии переросли в методологический бум, в которой явно просматривается идея формирования метапарадигмы на междисциплинарной основе.¹⁵

У. Баумоль положил начало новой дискуссии с целью подвести итоги достижения экономической теории за прошлый век [16]. И хотя он сам называет свою попытку наглой [16, с. 104], все же общая оценка достижений науки об экономике звучит так: «... Наибольший научный прогресс по сравнению с началом века можно обнаружить не в теоретических новациях, а в развитии эмпирических исследований и применении теоретических концепций к решению конкретных практических проблем [16, с. 80]. Здесь наши оценки совпадают с позицией уважаемого мэтра. Особенно в части того, что какого-то теоретического прорыва в экономической науке за прошлый век сделано не было. Но были сделаны важные накопления, наработки, которые позволяют видеть важные изменения в ее философско-методологической структуре, других параметрах исследовательской деятельности (см. схему 2). Например, М. Алле отмечал: «Как физика сегодня нуждается в единой теории всеобщего тяготения, электромагнетизма и квантовой физики, так и гуманитарные науки нуждаются в единой теории поведения людей» [17, с. 27].

¹⁴ Обращаем внимание на название работы Дж. Кейнса: *Общая теория* (подч. – П.Л.) занятости, процента и денег. М., 1998. Ей предшествовал ряд работ этого автора философского, политического и экономического толка, о которых мало что говорится.

¹⁵ Начинает издаваться ряд новых журналов по экономической философии, теоретической и институциональной экономике, праву и экономике, новой политической экономии.

Теоретическая экономика: содержание предмета

Итак, никто не станет отрицать того, что хозяйственная система представляет целостное образование, которое пронизано различной степенью интенсивности отношений и взаимосвязей людей, фирм, других институциональных структур. Глобальная информационная сеть, возникшая вслед за торговой транспортной, электрической и финансовой [18] усилило интеграцию мировой системы, отдельных регионов, сфер деятельности. Возросла степень зависимости поведения экономических аспектов, как по эндогенному, так и по экзогенному направлениям не столь от национальных, сколько от наднациональных институтов. Факторы развития и роста переместились в область отношений¹⁶ и научно-информационного ресурса. Именно здесь, может быть, объясним остаток Солоу, который пока не может быть раскрыт с позиций традиционного подхода и используемого аналитического аппарата.

Экономическая наука в широком смысле слова многогранна, как разнообразен хозяйственный мир. В фундаментальной своей части она фиксирует тот набор элементов, связей, отношений, который образуют хотя и общую относительно устойчивую систему, воспроизводящую уровень освоения человеком природной среды, технико-технологического развития, степень психо-биологической и социально-экономической самоидентификации индивида, формы и параметры его защиты. Как эмпирическая наука, последняя имеет дело с наблюдательными и проверяемыми данными и фактами, объясняя и прогнозируя тем самым происходящие процессы. Определенной своей частью теория впитывает и одновременно воссоздает исторический ракурс экономической траектории эволюции. Дж. Хикс писал: «По мере того, как экономическая теория выходит за рамки «статики», она становится менее похожей на науку и больше – на историю» [19, с. 485]. «Экономическая теория выступает как эмпирическая наука, если она мыслится как исследование такого объекта, как богатство, – пишет историк и философ Р. Коллингвуд, – и как философская наука, если она мыслится как изучение экономической деятельности» [20, с.1].

Таким образом, *теоретическая экономика* – это формулировка общих законов институционального устройства и развития мирохозяйственной системы и ее конкретных хозяйственных порядков, определение принципов их функционирования и управления, а также форм отношения поведения людей, реализующих в своей деятельности

¹⁶ Менеджмент в теории и на практике область отношений для увеличения производительности и улучшения качества продукции успешно использует уже несколько десятилетий. Используя знания о производственных и организационно-экономических отношениях можно без существенных затрат значительно увеличить площадь сегмента, ограничиваемого кривой производственных возможностей.

присущие им интересы¹⁷. Этим, не претендующим на всю полноту отражения изменений в современной экономике, определением делается попытка, во-первых, зафиксировать естественное и закономерное развитие предмета науки об экономике, которая также эволюционировала в количественном и качественном направлениях. Во-вторых, хозяйственный мир¹⁸ – это сложный, но все же целостный мир, который требует такого же целостного к себе подхода и анализа. Институциональное теоретическое основание закладывает не только начала такого синкретичного восприятия, но и определяет наполнение дедуктивных заключений теми же конкретными формами, в которых осуществляется практическая деятельность¹⁹. Определяя экономическую науку (экономикс, экономическую теорию) через ограниченные ресурсы и конкурирующие цели, мы заранее ограничиваем себя в ответе на вопрос: почему разные страны, располагающие примерно равными, а может и большими ресурсами, имеют принципиально разные результаты в социально-экономическом прогрессе. В-третьих, обращение к теоретической экономике как естественному этапу научного развития обнаруживает синтез сущностного эзотерического подхода с феноменалистским экзотерическим. И снова, как во времена классической политэкономии, исследовательская аксиоматика закладывается на сущностном уровне, отражающем связь человека с природой, имеющимся технологиями, мировым сообществом. В-четвертых, теоретическая экономика ставит задачу (по крайней мере, это вытекает из анализа имеющихся в науке и практике проблем) в зависимости от конкретных целей явно или

¹⁷ Для сравнения приведем некоторые другие определения экономической науки и ее предмета. «Определить законы, которые управляют... распределением – главная задача политической экономии» (Д. Рикардо. Начала политической экономии и налогового обложения. М., 1955, с.30); «Экономическая наука занимается изучением того, как люди существуют, развиваются и о чем они думают в своей деятельности. Но предметом ее исследования является главным образом те побудительные мотивы, которые наиболее устойчиво воздействуют на поведение человека в хозяйственной сфере его жизни» (А. Маршалл. Принципы экономической науки. М., 1993. Т.1, с.69); «Предмет политической экономии составляют общие законы производства и распределения» (А. Пезенти. Очерки политической экономии. М., 1976. Т.1, с. 93); «Экономическая теория [такую дефиницию получила наука «экономика» после русского перевода] есть наука об использовании производительных ресурсов для производства различных товаров... и распределения их между членами общества в целях потребления» (П. Самуэльсон. Экономика. М., 1964. с. 25); «Наука должна дать точное определение отдельных, частных хозяйственных порядков и показать, каким образом происходит их соединение в рамках общего порядка» (В. Ойкен. Основы национальной экономики. М., 1996, с. 79-80); «Экономика как общественная наука изучает поведение индивидов и институтов, занимающихся производством, обменом и потреблением товаров и услуг (К. Р. Макконнелл, Ст.Л. Брю. Экономикс. М. 1992, Т.1, с. 21); «Политическая экономия есть общественная наука, изучающая хозяйственную деятельность народов, или, еще короче – политэкономия есть наука о народном хозяйстве» (А.И. Чупров. Курс политической экономии. М., 1914, с.16).

¹⁸ Категория «хозяйство» значительно шире категории «экономика», поскольку отражает, во-первых, сферы деятельности, прямо не попадающие в денежное измерение, а, во-вторых, конкретизирует формы, порядки, в которых проявляется экономическая реальность.

¹⁹ В. Ойкен употребляет категорию «хозяйственная конституция», а Дж. Бьюкенен ориентирует в своих исследованиях на раскрытие «конституции экономической политики».

имплицитно проводить многоуровневый «срез» общественно-экономической системы, относясь к последней как к действительно реальной, а не абстрактной системе. Точкой отсчета в отличие, например, от эпохи классицизма, когда воспроизводилась национальная политико-экономическая система, здесь выступает обобщенное отражение современной мировой эпохи с ее тенденциями развития. Для чисто экономического анализа это дает ориентир на поиск новых факторов, влияющих на спрос и предложение, на выяснение дополнительных источников производства продукта, дохода и пр. Вспомним учение А. Смита о производительном и непроизводительном труде организационном факторе А. Маршалла или эффективном спросе Дж. Кейнса. Скажем так, теоретическая экономика должна сконструировать через адекватную систему категорий современную «хозяйственную конституцию», в структуре которой, так или иначе, занимают соответствующие места национальные государства с их системами хозяйствования. Некоторый парадокс заметен в том, что сами национальные государства, создавая определенные наднациональные рамки, сегодня уже вынуждены их закладывать в своей политико-экономической стратегии. Более частные же теории, например, политэкономия государства, теория окружающей среды, микро-, макроэкономика, теория финансов, региональной экономики, институциональной и эволюционной экономики, восприняв от общей теории исходные аксиоматические установки, дополняют общую экономическую картину на разных уровнях хозяйствования.

В-пятых, теоретическая экономика не стоит ни в начале изучения реальной действительности, ни в конце, как это думают эмпирики, ни рядом. Она расположена в центре процесса познания, задавая его направление и формируя инструменты, которые создаются для получения научного опыта. Иначе говоря, теория без фактов может быть пустой, однако факты без теории просто бессмысленны. В разработке научной хозяйственной картины мира важная роль отводится исходным определениям. Они обобщают результаты определенного анализа, синтезируя частные стороны явления и тем самым «позволяют» работать с этими явлениями, но уже на другом, более глубоком уровне познания действительности.

Более подробно предмет и эволюция методологии экономической науки изображена в схеме 2. Но хотелось бы «развести» понятия «теоретическая экономика» и «экономическая теория». В определениях, которые мы привели выше, в схемах 1 и 2, можно найти эти отличия, как по предмету, так и по другим важным признакам. Теоретическая экономика воспроизводит на современном уровне развития науки в целом тот подход к человеку, природе, обществу, которые в свое время выполняла классическая политэкономия.

Экономическая теория, если использовать не самый лучший, но самый распространенный перевод, выступила следствием научного обеспечения частных задач практики функционирования рыночной экономики. Априори многие социокультурные постулаты принимаются как беспроблемные аксиомы, вычленяется из всей гуманитарной составляющей человека лишь его утилитарная направленность, которая якобы лежит в основе его мотивации и поведения в условиях ограниченных ресурсов. Л. Мизес назвал эту отрасль науки каталлактикой – наукой об обмене. Многие другие авторы также отмечают, что «экономикс» из всей воспроизводственной системы в своем анализе обращается лишь к фазе обмена. Отсюда выводятся спрос и предложение, цена, понятие равновесия и пр.²⁰ «Недостаточно и далее заниматься экономическими проблемами в рамках традиционной структуры, – пишет Л. Мизес. – Теорию каталластики необходимо выстроить на твердом фундаменте человеческой деятельности» [21, с. 10]. Зададим себе пока вопрос, а что нам известно о фундаменте (!?) современной человеческой деятельности?

Структурные характеристики метода	Методы		
	Эзотерический, сущностный	Экзотерический, явленческий	Целостный эзо-экзотерический (сущностно-явленческий)
<i>Парадигма</i>	Интуитивная; предполагает эгоистические начала с основанием культурных ценностей	Априори оговоренная; рациональные предпочтения при полной информации и нулевых трансакционных издержках	Эклектическая; реализация принципов холизма на междисциплинарной основе
<i>Социально-политическая детерминированность</i>	Присутствует в качестве объективных предпосылок, связей и отношений	Не присутствует по причине признания экзогенности этой среды к экономике	Институциональная детерминированность, создающая рамки экономического развития
<i>Технологическая детерминированность</i>	В рамках производительных сил	Отсутствует; земля, труд, капитал – главные факторы производства	Экономика – открытая система, имеющая ограниченный потенциал
<i>Организационная детерминированность</i>	Простая кооперация, мануфактура, фабрика	Абстрактная фирма, "черный ящик"	Осознанно сформированная организация (фирма, государство, мир-экономика)
<i>Предмет исследования</i>	Внутренние, устойчивые связи и отношения	Внешние и спорадические связи и взаимодействия	Органически целостное, сложное структурное образование
<i>Характер связей, отношения</i>	Причинно-следственные, субстанциональные	Функциональные, отражающих потоки движения доходов, расходов	Многоуровневая система связей, отражающих разные аспекты мир-экономики

²⁰ Надо заметить, что у В. Леонтьева применяется другой подход (input-output) как к равновесию, так и в целом к воспроизводственному процессу.

<i>Цель метода</i>	Эвристическая; раскрыть политико-экономическую природу общества (почему работает система?)	Позитивистская; ответить на вопрос как работает система, чтобы достичь экономического эффекта	Теоретическая, аксиологическая (как обеспечить устойчивое развитие?)
<i>Характер метода</i>	Диалектический (по преимуществу)	Позитивистский	Синтетический (единство диалектического и позитивистского методов)
<i>Пространственно-временные рамки</i>	Национально-государственные; долгосрочный период	Не определяются в исходном; краткосрочный, текущий	Мировые, межнациональные; сочетание времени
<i>Уровень рациональности</i>	Преобладание общегосударственных интересов	Утилитарно-частная рациональность	Наднациональные, региональные интересы
<i>Отражение целостности, равновесности</i>	Стремление к общей политико-экономической картине, равновесию	Фрагментарная, функциональная, дискретная направленность; экономическое равновесие	Мир-экономика; глобальная система; институциональное равновесие
<i>Пользователь исследования</i>	Правящая элита государства	Менеджеры, политики в определенных рамках и сферах	Правящая мировая элита, менеджеры, политики разного уровня
<i>Единица измерения</i>	Стоимость	Ценность	Институциональная ценность

Схема 2

Главные характеристики методов экономического исследования

Имеющиеся переводные и интерпретированные, похожие друг на друга отечественные учебные пособия по экономике, даже не ориентируют на поиск ответа на этот вопрос. «Человек экономический» в них по-прежнему трактуется как существо, имеющее безграничные когнитивные способности, узко утилитарные склонности и жестко структурированные независимые предпочтения. Даже Дж. Сорос отмечал, что «деньги узурпировали роль подлинных ценностей. ...Но ложная гипотеза не может господствовать бесконечно долго» [22, с. 24, 101]. Поэтому, как пишет далее известный финансист, «когда мы применим экономические теории к реальному миру, то мы можем получить искаженную картину» [23].

Некоторые практические выводы

Значимость любой теории определяется возможностью на основе разработанных законов и закономерностей объяснить конкретные явления, а также предсказать возникновение желаемых или не желаемых новых явлений и ситуаций. Классическая политэкономия ответила на вызов своего времени, определив институциональный остов общества и стратегическое направление экономического развития, дав начало поиска причин, источников и общественных форм

богатства²¹. Маркс в своей теории прописал более логично и четко самодвижение форм богатства с выделением возникающих новых институциональных норм эпохи промышленного капитала, ограничивающих развитие последнего. Кейнс, мужественно преодолев «стандарты» неоклассического мышления, своей теорией эффективного спроса расширяет предмет науки, чем закладывает основы и дает ориентиры на изменение норм и правил реальной экономической системы. Частная теория монетаризма расширила производственные возможности за счет активизации спекулятивной нормы поведения хозяйствующих агентов, изменяя денежные отношения и рамки²².

Этим небольшим экскурсом хотелось бы обозначить действительно практическую значимость фундаментальной теории, результат и пользу которой иногда пытаются выразить суммой полученных денежных заказов. Здесь есть два парадокса. На первый когда-то обратил внимание Дж. Гэлбрейт: «Одна из редких, но хорошо вознаграждаемых профессий состоит в том, чтобы снабжать всех, кто в состоянии платить, нужными им выводами и умозаключениями, должным образом подкрепленными статистическими данными и моральным негодованием» [24, с. 313]. Можно подсчитать, сколько денег было потрачено на разработку разного рода программ, предвыборных платформ, бизнес-планы и пр. Второй парадокс менее заметен. Теоретическая экономика, как фундаментальная наука, выступает своеобразным общественным благом. Этим благом в той или иной мере будут пользоваться и пользуются многие, но платить за эти разработки сегодня никто не хочет. К тому же теория формирует образ и нормативные параметры экономического мышления и поведения людей. Индивидам, мыслящим в единых теоретических рамках, легче понимать друг друга в своих стратегиях, что снижает неопределенность и транзакционные издержки в реальной практике. Снижение неопределенности и рост доверия контрагентов создает в свою очередь условия для составления более реальных по вероятности прогнозов.

Теоретическая экономика по своему предмету должна учитывать политическую сферу: ее идеологию, организационную структуру, режим власти, способ принятия и реализации политических решений, кадровые назначения и многое другое. Традиционный экономикс к

²¹ Можно с иронией воспринимать высказывание У. Петти о роли труда и земли в производстве стоимости и богатства, но, учитывая господство меркантилистского духа в обществе этого времени, следует признать важность этого положения. А. Смит также достаточно смело для своего времени пишет: «...Государь со всеми своими судебными чиновниками и офицерами, вся армия и флот представляют непроизводительных работников. Они являются слугами общества и содержатся на часть годового продукта труда остального населения...» (А. Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962, с. 245). Экономического обоснования роли значения нынешней власти никто еще не сделал.

²² Правда, теперь финансовый сектор предлагают отнести к транзакционному сектору, порождающему транзакционные издержки, которые надо вычитать из ВВП (А. Е. Шаститко. Неинституциональная экономическая теория. М., 1998, с. 206-207).

политической сфере до сих пор относился как к экзогенному фактору. Отсюда ориентация на позитивный экономический анализ.

В. Ойкен подчеркивал, что если экономисты не будут заниматься изучением политической сферы, в которой осуществляются экономические процессы, то этим займутся сами бюрократы, «указав» экономистам место простого наблюдателя, или, иначе говоря, позитивного анализа, чему долгое время отдавали предпочтение экономисты. До сих пор сфера принятия и реализации политических решений является самой неисследованной и самой дискуссионной областью [25, с. 625]. Для этого есть соответствующие предпосылки. Любая власть любой страны всегда будет информационно, финансово, организационно ограничивать политико-экономические разработки. Будут финансироваться и признаваться лишь те выводы, которые не ориентируют на кардинальные институциональные изменения институциональной основы общества. Допустить экономическую науку в политический процесс означает приоткрыть занавес таинственности, который является частной собственностью бюрократии, а, следовательно, приносящей властную ренту.

Существует широко распространенный метод манипулирования «научными» знаниями с определенной целью на разных стадиях политического цикла. Такое явление распространено широко во всех странах, включая и нашу республику. При привлечении же научных работников на определенные общественные должности приводит не только к мутации их мышления, но и поведения. Сказывается эффект зависимости от философско-психологических установок бюрократической олигархии. Отделить же интерес последних от государственного интереса и интересов существующих социальных групп и классов, сформировав, например, эффективную политику распределения доходов без обращения к целостному теоретическому анализу вообще невозможно.

Специфическая проблема использования экономической науки существует в периоды системных преобразований, аналогичные нашему затянувшемуся периоду, названному переходным. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что в этом метафоричном определении – «переходный период» – проявилась полная неготовность ни «западной», ни «восточной» науки ²³ к прогнозу и управлению событиями, которые неожиданно возникли и возникают до сих пор. Реформы потерпели неудачу потому, что, как пишет Дж. Стиглиц, их научные представители не смогли понять современный капитализм, находясь под слишком сильным влиянием упрощенных моделей,

²³ Для гуманитарных наук, а экономическая отрасль знания также относится к этой сфере, очень важен мировоззренческий аспект исследования, его экономические и другие интересы как социума.

заимствованных из учебников²⁴ [26, с. 8]. Действительно, пространственно-временные институциональные изменения, как главные проблемы любого переходного периода, оказались за пределами внимания экономистов-неоклассиков, обеспечивающими научно-идеологическое сопровождение современной реформы.

Кроме этого есть еще одна методологическая посылка, от признания которой зависит более или менее адекватное отражение происходящих процессов. Центральной предпосылкой современной теории мэйнстрима выступает аксиома о равновесности экономической системы. Но данная гипотеза абсолютно неприемлема для трансформационного периода, характеризующегося не только экономической неравновесностью, но и институциональными диспропорциями [27, с. 47-51]. Следовательно, нормативная часть экономической теории, мягко говоря, может иметь лишь информационно-интеллектуальный характер.

Позитивная часть экономической теории, на чем составила себе авторитет традиционный мэйнстрим, также имеет существенные ограничения и погрешности при анализе неустойчивых ситуаций, характерных для мир-экономики в целом и транзитивных в частности. Дело в том, что позитивный анализ базируется на: а) использовании частных отдельных теорий; б) ориентируется на короткий период; в) формировании трендов, выстраиваемых в большом фактическом **ц е н о в о м**²⁵ материале, что потом используется при прогнозах; г) предполагается институциональное равновесие, оптимальные права собственности и нулевое значение транзакционных издержек. Но, во-первых, частные теории не воспроизводят целостно и глубоко всей картины сложных и динамичных процессов переходного периода. Во-вторых, ценовая информация в условиях системных изменений не является главной в этот период и к тому же всегда из-за инфляции несет искаженную картину. В-третьих, мышление категориями трендов возможно, если учесть другие ограничения, возможно, но лишь на базе достаточно большого временного периода. К тому же влияние современной международной финансовой системы на экономики всех стран также ограничивает возможности строить какой-то долгосрочный прогноз на основе трендов. В-четвертых, ситуация **т е о р е т и ч е с к о й** неопределенности, которая отражает переходный период, во многом лишает самого смысла сбора и накопления фактов.

Есть еще одно обстоятельство, которое затрудняет как развитие, так и использование выводов теории. Это фактор кадрового ресурса.

²⁴ Подобного рода оценок можно найти немало. Р. Пребиш пишет: «Напичканный всевозможными теориями, я не мог понять, что происходит с аргентинской экономикой... Более того, я часто испытывал ощущение, что то, чему меня учили, не только помогает осмыслению этой действительности, но и мешает изучать ее» (Р. Пребиш. Периферийный капитализм. М., 1992, с. 78).

²⁵ Цены в этих моделях являются единственным источником информации.

Дело в том, что в переходных состояниях наблюдается обычно быстрая сменяемость кадров на разных уровнях управления. Степень их теоретической подготовки, как показывает опыт, очень разная. Но именно от них во многом зависит оценка результатов теории и соответствующих рекомендаций. Управленческие кадры через финансирование и поддержку могут также стимулировать развитие экономической науки в определенном направлении. Сегодня политическая среда не ориентирует теорию на действительное отражение существующей реальности, как из-за непонимания теории, так и из-за своего нежелания терять политическую ренту, для которой переходный период имеет огромнейшие условия.

Таким образом, теория может быть логически непротиворечивой, практичной, значимой и востребованной, если она постоянно занимается, кроме всего прочего, анализом и ревизией всего гносеологического арсенала, сверяя его возможности с данными опыта. Задайте себе вопрос, а когда вы такой процедурой занимались в последний раз, и что с чем сравнивали? Любая теория не догма и не миф. Ее сегодня нельзя найти в библиотеке, равно как и на сайте в Интернете.

Для нынешних условий переходности и, соответственно, неопределенности, выстроить обоснованную и эффективную с точки зрения перспектив и тенденций 21 века возможно лишь через призму правильного определения предмета теоретической экономики. В ней, как в предмете любой науки, фокусируется исходные начала анализа, определенный код, ген, который в последующем разворачивается через целостную систему категорий, понятий, законов, которые отражают разные уровни хозяйствования определенного исторического этапа. Источники же развития и роста современной экономики находятся в плоскости деятельной кооперации широкой человеческой деятельности, отношений и хозяйственных связей.²⁶

Литература

1. Нельсон Р. Р., Уинтер С. Дж. Эволюционная теория экономических изменений. М., 2002.
2. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. М., 2001.
3. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
4. Хайлбронер Р. Л. Экономическая теория как универсальная наука // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 1.
5. Лемещенко П. С. Теоретическая экономика: структура, классические традиции, новые тенденции. Мн., 2001.
6. Олейник А. Институциональная экономика. М., 2000.

²⁶ Нобелевские премии экономистам за 2001 и 2002 год свидетельствуют о более интенсивном повороте экономистов в межпредметную область исследования.

7. Кондратьев Н. Д. Основные проблемы экономической статики и динамики. М., 1991.
8. Менгеръ К. Исследования о методахъ социальныхъ наукъ и политической экономіи въ особенности. СПб., 1894.
9. Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. М., 1995.
10. Маршалл А. Принципы экономической науки: В 3-х т. М., 1993. Первое русское издание: Маршалл А. Принципы политической экономии: В 3-х т. М., 1983.
11. Робинсон Дж. Теория несовершенной конкуренции. М., 1986.
12. Blaug M. Kuhn versus Lacatos or Paradigms versus Research Programmes in the History of Economics. In: Method and Appraisal in Economics. Cambridge, 1976.
13. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994.
14. The Structure of Economic Science. Essays on Methodology. Prentice-Hall, 1966.
15. Ананьин О. Экономическая теория: кризис парадигмы и судьба научного сообщества // Вопросы экономики. 1992. № 10.
16. Баумоль У. Чего не знал А. Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики. 2001. № 2.
17. Алле М. Единственный критерий истины – согласие с данными опыта // МЭ и МО. 1989. № 11.
18. Лемещенко П.С. Новая экономика и теория: закономерности эволюции. – Сб-к. Мн., 2002.
19. Journal of Post Keynesian Economics. 1984. Vol. 6.
20. Цит. по: Unknowledge and Choice in Economics. Ed. by S.F. Frowen. Basingtoke. 1990.
21. Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. М., 2000.
22. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. М., 1999.
23. Сорос Дж. Сорос о Соросе. М., 1996.
24. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество М., 1969.
25. Политические науки: новое направление / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингельманна. М., 1999.
26. Вопросы экономики. 1999. № 7.
27. Лемещенко П.С. Институционально-эволюционная теория современной экономической реформы // Вестник ассоциации белорусских банков. 2001. № 41.